

АЛЕКС ТАРН

ШАБАТОН

СУББОТНИЙ ГОД

Это потрясающий писатель,
всем его смело рекомендую.

Он пишет приключенческие романы, но он
и мыслитель, и философ, и все что угодно...
Думаю, что это – имя, которое будет на слуху
и на языке просто у всех
в ближайшем времени.

И. М. ГУБЕРМАН



Хорошая проза

Алекс Тарн

Шабатон. Субботний год

«Вимбо»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6

Тарн А.

Шабатон. Субботний год / А. Тарн — «Вимбо»,
2021 — (Хорошая проза)

ISBN 978-5-00224-620-5

«Шабатон. Субботний год» Алекса Тарна – захватывающий и авантюрный детективный роман, который начинается с одной странной семейной тайны. Надвигается шабатон – год творческого отпуска, свободный от академической рутины. Доктор Игаль Островски решает на это время включиться в авиастроительный проект огромного уровня секретности, обещающий невероятно заманчивый практический опыт. Конечно, сперва личное дело доктора Островски проходит строжайшую проверку. Тут-то и выясняются неправдоподобные и абсолютно загадочные факты о его любимом дедушке – самом важном человеке в жизни, заменившем отца, герое Гражданской войны в Испании, многолетнем узнике колымских трудовых лагерей. Оказывается, за четыре года до смерти дедушки в Москве, в Израиле умер точно такой же человек. Как это точно такой же? Биографические подробности идентичны до поразительных мелочей. Совпадение исключается... Значит, один из двоих – фейк, поддельная личность, укравшая чужое имя и чужую жизнь. Но кто?

Игаль решает во что бы то ни стало узнать, что произошло на самом деле, и начинает расследование. Путь к правде поведет его крутыми поворотами через запутанные тайны истории, на которые богат бурный и жестокий XX век, и заставит его мир перевернуться. «Это потрясающий писатель, всем его смело рекомендую. Он пишет приключенческие романы, но он и мыслитель, и философ, и всё что угодно... Думаю, что это – имя, которое будет на слуху и на языке просто у всех в ближайшем времени». — Игорь Губерман

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-00224-620-5

© Гарн А., 2021

© Вимбо, 2021

Содержание

1	7
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алекс Тарн

Шабатон. Субботний год

© Алекс Тарн

© ООО «Вимбо»

* * *

1

Нужная кнопка не работала – Игаль выяснил это уже после того, как створки лифта закрылись и вошедшие вместе с ним стали поочередно тыкать указательным пальцем в панель управления, словно обвиняя ее в чем-то недопустимом. В случае Островского обвинение оказалось небезосновательным: кабина проигнорировала семнадцатый этаж, как будто его не существовало вовсе. Вернувшись в огромный вестибюль, Игаль с трудом нашел прилавок консьержа-охранника.

– Кнопка не работает? – радостно переспросил тот. – И не должна работать! Сначала нужно подняться на четырнадцатый и пройти направо до конца, до двери с надписью «Этаж № 17».

– Семнадцатый этаж на четырнадцатом? – удивился Игаль. – Это что-то новенькое.

– Ничего новенького. Это проход к внутреннему лифту. Встанешь перед камерой, позвонишь, они и откроют... – консьерж подмигнул всем лицом и добавил свистящим шепотом: – Или не откроют, это уж как им заблагорассудится...

Заблагорассудилось открыть. Внутренний лифт был тесен и скрипуч; на выходе из него Игаль встречал озабоченный серолицый мужчина в роговых очках, мятой рубашке и слишком коротких брюках с подтяжками. Для полноты картины ему не хватало разве что нарукавников.

– Господин Островски? – серолицый дождался утвердительного кивка и протянул гостю мягкую, бескостную на ощупь ладошку. – Очень приятно. Меня зовут Шимон. Пройдемте, нам сюда.

В комнате Шимон кивнул Игалю на стул, одиноко стоявший посерединке, а сам забрался в высокое кресло на колесиках по ту сторону старомодного, с дерматиновым покрытием стола.

– Садитесь, господин Островски... Или правильной будет доктор Островски? Или даже профессор Островски?

– Можно просто по имени.

Игаль сделал инстинктивную попытку придвинуться поближе к собеседнику, но стул, жалобно скрипнув, остался на месте. Хозяин кабинета сочувственно наблюдал за происходящим с высоты своего насеста.

– Привинчено, – скорбно подтвердил он. – Мне и самому неудобно, но ничего не поделаешь – правила...

Два месяца тому назад associate professor Хайфского Техниона доктор Игаль Островски получил предложение включиться в проект одного из самых серьезных предприятий Авиационного концерна. Заранее предупрежденный о повышенном уровне секретности, он был тем не менее поражен устрашающим видом анкеты, которую ему прислали на дом со специальным курьером. Объем ее измерялся даже не чудовищным количеством граф, а чудовищным количеством глав. В другое время Игаль просто отказался бы от затеи, обусловленной подобным бюрократическим издевательством, но в том-то и дело, что время выпало необычное. Надвигался шабатон – так называемый «субботний год» – год свободы от повседневной рутины лекций и лабораторной поденщины, год расширения научных горизонтов и поиска новых, интересных, неизведанных тем.

В принципе, можно было махнуть в какой-нибудь из престижных университетов в Англии или за океаном, куда его давно звали, но сын как раз ушел в армию, в боевую пехоту, и Игалю с женой не хотелось оставлять парня одного на попечение бабушки, которая и сама, честно говоря, нуждалась в некотором присмотре вследствие скачущего давления. Кто будет встречать солдата в дни отпусков, кормить домашним обедом, стирать форму, пропахшую родным потом и армейским бытом? Кто будет ревностно отслеживать выпуски новостей, ловить слухи и перезваниваться с мамами сыновних сослуживцев? Кто будет бодрствовать по ночам,

охраняя мальчика родительской молитвой? В общем, нет, не получалось ни Кембриджа, ни Стэнфорда.

Зато проект Авиационного концерна обещал заманчивый практический опыт прямо здесь, под боком. Новейшие композиционные материалы, невиданная геометрия крыла, щедрое финансирование, испытания в реальных условиях... Оценив открывающиеся перспективы, доктор Островски счел за благо взять под уздцы естественное недовольство и скрепя сердце приступил к заполнению анкеты. Процесс растянулся на несколько дней: потребовалось поднимать уйму старых документов, делать фотокопии, вспоминать забытые даты забытых событий, спрашивать рекомендации друзей и знакомых, формулировать обтекаемые фразы автобиографии.

И вот теперь один из экземпляров анкеты лежал перед серым лицом очкастого короткоштанного Шимона и, судя по весьма потрепанному виду, был уже не только изучен вдоль и поперек, но и успел не раз послужить подставкой для чашки чая или стакана кофе...

– Чай? Кофе? – словно подслушав мысли доктора Островски, проговорил Шимон. – Там в углу чайник, кофе, пакетики... не стесняйтесь. А я пока освежу, так сказать, в памяти...

На тумбочке в углу рядом со стопкой пенопластовых одноразовых стаканчиков стояли банки с молотым кофе, сахарным песком и чайными пакетиками. Единственной ложечке выделили персональный стакан – как видно, вследствие ее критической важности. Судя по запаху – вернее, его отсутствию, – кофе выдохся два-три десятилетия тому назад.

– Что ж вы банки-то не привинтили? Еще украдут... – пошутил Игаль, включая чайник. – Вам тоже налить? Сколько-сколько?

– Ложечка черного – ложечка сахара, – откликнулся хозяин кабинета, переходя на гладкий, почти без акцента, русский. – Что же вы фамилию-то не поменяли, Игорь Сергеевич?

– Фамилию? – удивленно повторил доктор Островский, оборачиваясь с драгоценной ложечкой в руке. – Да, фамилию не поменял. А надо было?

Шимон благожелательно смотрел на него поверх очков.

– Ну, если уж начали с имени... С точки зрения министерства внутренних дел, это одна операция. Типа скидки – два по цене одного.

Игаль пожал плечами.

– Видите ли, «Игорь» тут произносят неправильно, с ударением на второй слог и без мягкого знака в конце. Получается совсем другое имя – Егор. Поэтому считайте, что переименование – то или другое – мне практически навязали. С фамилией такой проблемы не было. И смысл у нее вполне еврейский, в отличие от варяжского «Игоря». Островский – выходец из Острова. Это довольно известное местечко на Волыни. Тамошняя йешива когда-то славилась на всю Польшу. Ну и еще – память о деде.

Следователь опустил взгляд к анкете и перевернул несколько листов.

– Ваш дед, Наум Григорьевич, он же Нохум Гершелевич Островский, родился 1 мая 1897 года в городе Бобруйске Минской губернии, четвертый сын меламеда Гершеля и его жены Двойры. Я правильно читаю?

– Абсолютно верно. Ваш кофе.

Вернувшись к стационарному стулу, Игаль за неимением иного варианта поставил свой стаканчик на пол.

– Судя по автобиографии, он вам особенно дорог. Это действительно так или слегка преувеличено?

– Скорее, приуменьшено, – улыбнулся доктор Островски. – Дед – самый важный человек в моей жизни. Он практически заменил мне отца.

– Ваши родители развелись?

– Они никогда не женились. Мой биологический папаша бросил мать, едва узнав о ее беременности. Я его практически не знал.

– Не знали? – Шимон снова пошуршал страницами. – Почему вы говорите о своем отце...
– ...биологическом отце, – поправил Игаль. – Я уже сказал, что считаю своим реальным отцом Наума Григорьевича Островского.

– Хорошо, принимается. Почему вы говорите об этом биологическом отце в прошедшем времени? Как следует из анкеты, Сергей Сергеевич Смирнов пока еще жив.

– Видимо, да, жив. В первый и последний раз я виделся с ним восемь лет назад перед отъездом в Израиль. Он подписывал документ об отсутствии претензий.

– Гм... – хмыкнул Шимон. – Восемь лет назад... Откуда тогда известно, что он еще жив? Сейчас ему должно быть... секундочку... 68 лет. Возраст смертный, по российским понятиям.

Игаль кивнул.

– Вы правы. Но после нашего очного знакомства он повадился присылать мне поздравительные открытки на день рождения. Прислал и в этом году. Следовательно, господин Смирнов скорее жив, чем мертв.

– Ага... – Шимон многозначительно покачал головой. – То есть контакт сохраняется...

– Да нет же, – с досадой проговорил Игаль. – Повторяю: с моей стороны нет ни желания, ни контакта. Он присылает открытки, я их выбрасываю – вот и все. Это абсолютно чужой человек – как мне, так и маме, которая вообще слышать о нем не желает.

– А как они вообще познакомились – Смирнов и ваша мама Нина Наумовна? Она ведь преподавательница, так?

– Так. Мама преподавала философию в одном из московских технических вузов.

– Марксистско-ленинскую философию, – уточнил следователь. – Как это у вас называлось – истмат, диамат...

– Другой философии в СССР не было, – развел руками доктор Островски. – Бабушка работала в той же области. Семейная традиция.

– Хорошо. А Смирнов? Он тоже преподавал марксизм?

Игаль покачал головой.

– Не знаю. О биологическом отце со мной соглашалась говорить только бабушка, но она умерла в шестьдесят четвертом, когда мне едва исполнилось пять лет. Я остался с мамой и дедом, а для них Смирнов был запретной темой. Они вспоминали о нем крайне редко и лишь когда ссорились. Насколько я понял, в наш дом его привел именно дедушка. Дед тогда работал в инязе, вел семинары по итальянскому. Думаю, Смирнов прилепился к нему там, в институте.

– Прилепился? Зачем?

– Послушайте, Шимон, откуда мне знать? Я тогда еще не родился. Предполагаю, что речь идет о весьма распространенной ситуации. Любимый преподаватель, способный студент или даже аспирант... Эти отношения нередко продолжаются и за стенами аудиторий – в домашних гостиных и кабинетах. Ну а в гостиной разливает чай двадцатилетняя профессорская дочь. Дальше понятно: мама увлеклась. Она ведь деда всегда боготворила и наверняка переносила часть этого обожания на все, связанное с ним, в том числе и на его учеников. Вот вам и завязка романа. Повторяю: это только моя версия, хотя и довольно правдоподобная.

Шимон задрал очки на лоб и потер глаза обеими руками.

– Да, действительно правдоподобная, – признал он, – что свидетельствует о вашей логике и способности восстанавливать ход событий. Похвально, Игорь Сергеевич, очень похвально.

– Спасибо за комплимент, – улыбнулся Игаль. – Специалисту по сопротивлению материалов без логики не обойтись. Расчеты на прочность, знаете ли, требуют...

– А коли так, – бесцеремонно перебил его следователь, – мне трудно поверить, что вы даже не догадываетесь о роде занятий вашего отца... пардон, биологического отца. Какие-то соображения ведь должны быть?

Доктор Островски рассмеялся и погрозил собеседнику пальцем.

– Пойман, пойман молодец на цветистый леденец! Да, вы опять правы. Есть кое-какие соображения. Но учтите – исключительно в виде версий. Я уже упоминал о том, что перед отъездом приносил Смирнову документы об отсутствии претензий. Мы встретились у него в квартире. Так вот, судя по некоторым деталям, мой биологический отец отслужил в армии. Вряд ли он вышел в отставку генералом, но где-то в ранге полковника – вполне возможно.

– Почему?

– Я ж говорю – судя по мелким деталям. Старый китель на вешалке. Марка наручных, видимо, наградных часов. Форменная рубашка. Всевозможные финтифлюшки, которые обычно встречаются в сервантах и на письменных столах отставников: щиты и мечи на подставке, вымпелы, гильзы и прочая армейская бижутерия.

Шимон удовлетворенно кивнул.

– Ну вот, теперь картина более-менее ясна... – он помолчал и, вздохнув, добавил: – Но только более-менее. Неужели вы не использовали эту возможность, чтобы поговорить с папой, пусть и всего лишь биологическим? Все-таки плоть от плоти... Неужели вам не интересно, чем родной человек живет, чем дышит, есть ли у него семья, дети... Как ни крути, а речь идет о ваших кровных братьях и сестрах. Уж они-то ни в чем не виноваты, правда? Отчего бы тогда не спросить, а, Игорь Сергеевич?

– Хватит, господин Шимон! – прервал его Игаль, начиная раздражаться. – Можете мне не верить, но я не задал Смирнову ни одного вопроса. Повторяю: я не желаю иметь с ним ничего общего, за исключением самого необходимого. Именно такую необходимость – первую за тридцать лет моей жизни и, надеюсь, последнюю – представляли во время отъезда справки о претензиях. Я пришел к нему, получил подпись и ушел. Точка. Конец контактов. А его дурацкие открытки значат для меня не больше, чем рекламные флаеры, которые десятками засовываются в почтовые ящики каждую неделю. Вы наверняка тоже получаете рекламные флаеры, господин Шимон, так? Конечно, получаете. Значит ли это, что вы контактируете с продавцом собачьей еды, изготовителями кухонь или курсами художественного плетения корзин? Нет, не значит.

– Не сердитесь, Игорь Сергеевич, – мягко проговорил следователь. – Я вас прекрасно понял. Давайте оставим пока эту явно большую для вас тему...

– Да никакая она не большая! – снова перебил доктор Островски. – Мне просто больше нечего добавить, а вы клещами продолжаете вытаскивать из меня домыслы и фантазии.

– Ну уж и клещами, – усмехнулся Шимон. – Клещи, а также другие инструменты такого рода давно запрещены постановлением Верховного суда. Хотя иногда они весьма и весьма пригодились бы...

Игаль молчал, накупившись и в который уже раз жалея, что ввязался в эту авантюру. В конце концов, на Авиационном концерне свет клином не сошелся. Наверняка найдутся в Стране и другие клиенты, пусть и не такие богатые и многообещающие. Может, прямо сейчас встать и уйти, послав куда подальше этого серого очкарика – пусть бежит по известному адресу, мелко перебирая ножками в коротких штанишках... Вот только, похоже, с этого этажа просто так не уходят – всюду кодовые замки, причем не только снаружи, но и изнутри.

Тем временем следователь сосредоточился на теме профессии доктора Островски, и тот вздохнул с облегчением. Здесь, в научной области сопротивления материалов, заведомо не было места домыслам и фантазиям, а чтобы заставить Игалья врасплох заковыристым вопросом, требовалось обладать как минимум третьей академической степенью. Подавляющее большинство однокашников по институту терпеть не могли сопромат, а вот ему никогда не было скучно в мире ребер жесткости, несущих балок и сложных расчетов на прогиб. Любой материал, от шелковой ткани до нержавеющей стали, с детства казался Игорю живым телом. Там, где другие видели тряпку или деревяшку, он различал сопряжение мышц, сетку волокон, сцепление сухожилий, трепещущий комок плоти. Неудивительно, что ему не составило особого труда поступить в

аспирантуру, защититься и остаться на кафедре, а по приезде в Страну уже через полгода вписаться в преподавательский состав Техниона.

Вот и теперь, в деталях расписывая серолицему следователю свои прошлые и нынешние проекты, он искренне не понимал, как можно откровенно клевать носом, слушая столь увлекательный рассказ. Шимон, со своей стороны, обладал поистине безграничным терпением, если смог в течение двух часов выслушивать пестрящую специальными терминами лекцию о расчете прочности стенок духового шкафа. Но, видимо, есть границы и у безграничного: в какой-то момент несчастный очкарик счел, что душевное здоровье дороже, и прервал доктора Островски на полуслове.

– Хватит? – переспросил Игаль. – Почему хватит? Я еще не закончил. Если брать в расчет модуль упругости второго рода...

– Довольно! – простонал следователь, срывая с носа очки. – Эта тема на сегодня закрыта! Закрыта!

– Ну, как хотите. Но учтите: я еще и половины не рассказал.

– В другой раз! – за стеклами очков промелькнуло выражение нескрываемого ужаса. – В другой раз! А пока мне хотелось бы вернуться к вашему деду Науму Григорьевичу. Надеюсь, о нем вы будете говорить с неменьшим энтузиазмом.

– Конечно, – кивнул Игаль. – Этому человеку я обязан всем. По сути, он меня вырастил и воспитал. Его уход из жизни – самый тяжелый удар, который мне пришлось когда-либо перенести. Мне было тогда шестнадцать...

– Вы упомянули его работу в Институте иностранных языков...

– Да, дедушка поступил туда сразу после реабилитации в 1956 году. В принципе, он мог бы и не работать: государство выплачивало ему персональную пенсию союзного значения как герою Гражданской войны в Испании.

– Сколько он просидел?

– Восемнадцать лет. И не где-нибудь – на Колыме. Арестовали по ложному обвинению в конце тридцать седьмого, выпустили в пятьдесят пятом. Представляете? Засадить на восемнадцать лет героя интербригад! Впрочем, сталинский террор никого не щадил...

Шимон сочувственно покачал головой.

– Да, в те годы чего только не случилось... – он снял очки, положил их на стол и озадаченно почесал в затылке. – Игорь Сергеевич, если позволите, мне хотелось бы воспользоваться вашей наблюдательностью и умением выстраивать правдоподобные версии. Не возражаете? Это напрямую касается вашего деда.

Игаль пожал плечами.

– Что ж, давайте попробуем.

Следователь снова водрузил очки на нос и пристально воззрился на доктора Островски.

– Итак, ваш дедушка, герой Гражданской войны в Испании, скончался в 1975 году в Москве. Будем считать это фактом.

– Что значит «будем считать»? Это факт.

– Ладно, факт. А четыремя годами раньше здесь, в Израиле, скончался пожилой господин по имени Ноам Сэла. И это тоже факт... – Шимон выдержал паузу. – Вы спросите, при чем тут Ноам Сэла? А при том, отвечу я вам, что погибший получил это имя взамен прежнего – правда, в отличие от вас, он сменил еще и фамилию. В этом пока нет ничего необычного. Объяснения требует другое: при рождении Ноама Сэлу звали Наумом Григорьевичем, вернее, Нохумом Гершелевичем Островским, и, согласно документам, произошло это рождение первого мая 1897 года в городе Бобруйске Минской губернии, и был он четвертым сыном меламеда Гершеля и его жены Двойры. Что скажете, Игорь Сергеевич? Согласитесь, мы не могли не удивиться, прочитав точно такие же данные в этой вот вашей анкете.

Следователь приподнял пачку исписанных рукой Игаля листков, подержал на ладони, словно взвешивая их значимость, и бросил назад на стол.

Доктор Островски смотрел на него непонимающим взглядом.

– Подождите, – сказал он. – Что вы хотите этим сказать? Что возможны такие совпадения?

– О каких совпадениях вы говорите, Игорь Сергеевич? – вздохнул Шимон. – Какие совпадения? Добро бы еще только имя, отчество и фамилия, но ведь и место рождения, и дата, и описание родителей, и даже почетное прошлое героя Гражданской войны в Испании! Таких случайных совпадений не бывает, Игорь Сергеевич. Один из этих ныне покойных людей – фейк. Обманщик, самозванец, присвоивший чужую биографию. Вопрос лишь – кто? Наш тель-авивский Ноам Сэла или ваш московский дедушка? И если второе, то кем тогда считать его внука, то есть, извините, вас?

Игаль молчал, потрясенный услышанным.

– Ну как, есть версии? – поторопил его Шимон и, не дождавшись ответа, продолжил: – Давайте поступим так. Вы сейчас возвращайтесь домой, подумайте хорошенько, вспомните прошлое – авось и всплывет что-нибудь. Впрочем, почему я говорю «авось» – наверняка всплывет. И тогда сразу же звоните, не стесняйтесь. Вот вам моя визитка. А мы пока поищем по своим каналам.

2

Доктор Островски не помнил, как спустился в вестибюль. Бессмысленно проторчав там некоторое время, он обнаружил, что забыл, где припарковал машину. По логике вещей она находилась на подземной стоянке, но где именно? На каком этаже? Слева или справа от лифта? В поисках пропажи ему пришлось, задыхаясь от жары и выхлопных газов, последовательно обойти едва ли не все забитые автомобилями уровни. Затем, выезжая, он задел то ли бампером, то ли крылом колонну и даже не остановился посмотреть на размер ущерба. Подобного конфуза с ним, дядей самых строгих правил, не случалось еще никогда.

Игалья более-менее в чувство привело лишь равномерное прямолинейное пиление по знакомому каждому своим метром береговому шоссе, что, в общем, могло послужить еще одним доказательством незыблемости физических законов, которые полагают движение такого рода аналогом состояния покоя. Хотя до полного душевного покоя, подчиняющегося, как видно, совсем другой физике, Игалю было еще очень и очень далеко.

Он сказал следователю, что дед заменил ему отца, но эта расхожая формулировка вряд ли исчерпывала глубину их уникальной, беспрецедентной дружбы. Отношения отца с сыном всегда в той или иной степени отравлены подспудным соперничеством, заложенным самой природой семейного, стайного бытия. Взрослый сильный мужчина не может не реагировать – пусть даже неосознанно – на угрозу, исходящую от торопливо подрастающего молодняка, который рано или поздно вытеснит его с законного места во главе иерархии.

Каждый справляется с этим по-своему. Кто-то калечит мальчика жесткими рамками требований и наказаний, желая максимально подавить волю преемника и тем самым хоть ненадолго отодвинуть срок неминуемого поражения. Кто-то, напротив, тешит себя приятной иллюзией, вообразив в сыночке продолжение себя самого, что представляется папаше ответом на вызов смерти, столь же, впрочем, неминуемой, как и поражение. Между этими двумя крайностями – непримиримой борьбой на уничтожение и добровольной заведомой капитуляцией – лежит целое поле вариантов совмещения обеих стратегий. Неизменны в этом извечном танце лишь страх смерти, кроющийся под покровом отцовской любви, и ревнивая агрессия, зреющая под покровом любви сыновней.

Зато дед... О, с дедом Наумом не требовалось соперничать ни за маму, ни за место под солнцем. Он был, скорее, союзником Игоря в потенциальной схватке с отцом, никогда не виданным, но от этого еще более страшным. Отец, о котором в семье не говорилось вообще, незримо присутствовал там, постоянно напоминая о себе горькими складками вокруг материнского рта, двусмысленными умолчаниями в разговорах, многозначительными намеками, упреками, слезами. Кроме того, ничто так не способствует разгулу воображения, как запрет думать о чем-то. Если товарищи мальчика по детскому саду и младшим классам школы боялись преимущественно милиционеров, родительского ремня, чудища, живущего в шкафу, и лезущей в форточку Красной Руки, то материализацией кошмаров Игоря всегда представлялось внезапное появление отца на пороге их двухкомнатной московской квартиры.

Гарантией защиты от этого, как и от любого другого ужаса, был дед и только дед – настоящий герой, которым Игорь напропалую хвастался в любой детской и подростковой компании. Чего стоила одна потертая кожаная тужурка, висевшая в шкафу, не говоря уже о старом буденовском шлеме, который хранился в коробке на антресолях вместе с портупеей, ремнем и пустой револьверной кобурой. Будь на то воля Игоря, шлем немедленно занял бы почетное место в витрине буфета, вытеснив оттуда абсолютно бесполезные рюмки и салатницы. Он уже уговорил маму произвести соответствующую рокировку, но дед неожиданно заупряился, и буденовка осталась наверху.

И все же, когда на магнитофонных бобиных пошла крутиться по Москве песенка про комиссаров в пыльных шлемах, мало кто мог, как Игорь, отчетливо представить себе реальное лицо под острым наверху буденовки. Вне всяких сомнений, именно он, дед Наум – пусть и сильно моложе, но зато в пыльном буденовском шлеме, – склонился бы над ним, Игорем, героически павшим «на той единственной Гражданской», – точно так же, как склонялся по вечерам над детской кроваткой, чтобы пожелать внуку хорошего сна.

– Деда, это ведь правда, что ты был настоящим комиссаром? – в тысячный раз спрашивал в такие моменты маленький Игорёк, поймав в кулак изувеченный лагерным артритом дедовский палец.

– Выше бери! – в тысячный раз отвечал дед Наум. – Я был начальником штаба! И как начальник штаба приказываю героическому составу полка: «Закрывать глаза! Спать!»

И мальчик, счастливо улыбнувшись, незамедлительно исполнял приказ. Детям жизненно важно ощущение безопасности. Собственно, уверенность в родительской любви представляет собой всего лишь разновидность этого чувства. В этом смысле детство Игоря Островского было, безусловно, счастливым. За кем еще, скажите на милость, стояла столь мощная сила, как дед Наум, – настолько безотказная, настолько верная, настолько доказавшая свою неизбывную доблесть?

О временах буденовки и кожанки дед почти не распространялся, но эта скупость с лихвой окупалась рассказами о Гражданской войне в Испании. Игорь забирался с ногами на диван, прижимался к дедовскому плечу и зачарованно слушал о рабочих колоннах, выходящих навстречу проклятым фашистам, о смертельной схватке с мятежными генералами, о доблестных интербригадах, куда со всего мира съезжались те, кому дорого братство свободы, об испанском «броненосце Потемкине» – линкоре «Хайме Первом», подорванном коварными врагами. К сожалению, дед не смог помешать этому несчастью, но лишь потому, что, не будучи морским командиром, не мог взять на себя управление кораблем вместо предателей-офицеров.

Но он говорил не только о сражениях, победах и боевом братстве. За окном выла российская метель, прыгал по тротуарам мелкий дождик, скуповато отмеривало лучи сдержанное московское светило, а перед восторженными глазами мальчика вставала Андалусия – прекраснейшая из областей Испании. Морщинистые оливковые деревья, крепко вцепившись в сухую комковатую почву, поворачивали узкие листья в профиль к раскаленной сковороде солнца. Ветер, слетевший со снежных вершин Сьерра-Невады, ерошил густые шевелюры виноградников. Вверх по склонам холмов, похожие на улиток-альбиносов, ползли домики ослепительно-белых деревень. Утопали в зелени роскошные дворцы Альгамбры, а под ними звенели цыганскими монистами узкие улочки великолепной Гранады. Бурлила меж красными быками древнего моста Кордовы река с непроизносимым названием Гвадалквивир. Качались на волнах Альмерийской гавани рыбацьи лодки, и застывшая высоко над городом статуя местного святого со сказочным именем Кристобаль провожала их в море, желая вернуться с хорошим уловом.

Дед декламировал строчки испанских поэтов, и Игорь, не понимая ни слова, вслушивался в волшебную музыку стихов Хименеса, Мачадо и Гарсиа Лорки. Потом, уже в пору юности, прочитав вошедшие тогда в моду переводы, он будто заново услышал глуховатый голос деда Наума: «И в полночь на край долины увел я жену чужую...» – и ярче яркого представил и безлунную андалусскую полночь, и молчанье речной долины, и проулки спящей *пуэбла бланка* – белой деревни.

Со временем детская потребность в защите отпала – и очень кстати, потому что дед как-то разом постарел и уже не казался несокрушимой крепостью. Да и отсутствующий отец постепенно утратил облик ночного кошмара, превратившись в незначительную ненужность, неведомо зачем торчащую где-то на обочине жизни. Вот тут-то и выяснилось, что героика дедовской судьбы отнюдь не ограничивается буденовским шлемом, комиссарской тужуркой и борьбой за испанскую свободу в составе интернациональных бригад, то есть всем тем, чем

можно было успешно хвастаться перед сверстниками младшего и среднего школьного возраста.

В более старших компаниях, где слушали Галича и Высоцкого, упоминание о буденовке уже не выглядело козырной картой, а кое-где и вовсе подвергалось безжалостному осуждению. Что ж, дед Наум не подвел внука и на этот раз. Галич мог сколько угодно петь «ведь недаром я двадцать лет протрубил по тем лагерям» – все прекрасно знали, что это всего лишь слова, речь лирического героя, в то время как сам автор не провел за решеткой ни дня. Зато дед отсидел на Колыме восемнадцать реальных, настоящих, не поддающихся осмыслению лет. Отсидел, вернулся, был реабилитирован и более того – продолжал жить по правде и совести в атмосфере вранья и бессовестности!

Последнее Игорь осознал далеко не сразу, но, осознав, проникся еще большим – теперь уже не детским, а взрослым – уважением к главному человеку своей жизни. В квартире Островских постоянно крутились те, кого именовали тогда «диссидентами». Приносили запретную литературу, устраивали обсуждения, обменивались информацией и слухами, формулировали пресс-релизы и коммюнике, которые через несколько дней появлялись на страницах западных газет. Состав этих людей, групп и организаций постоянно менялся: кто-то садился, кого-то запугивали или выпихивали за бугор, а кому-то просто надоедало. Качество чисто человеческого материала тоже выглядело, мягко говоря, неоднозначным.

– Смотри, Игорёк, и могай на ус, – сказал как-то дед в одну из тех бесценных тихих минут, когда он принадлежал только и исключительно внуку. – Мне иногда кажется, что свобода – химическое вещество, гормон типа адреналина или тестостерона. Ее выплеск просвечивает суть человека лучше любого рентгена, и эта суть далеко не всегда привлекательна. Посмотри, сколько здесь ревности, эгоизма, тщеславия, низменной жадности. Посмотри, как они толкают друг друга локтями, как ходят по головам своих же друзей и союзников...

В этой текучей разношерстной толпе дед Наум возвышался подобно Гулливеру среди лилипутов. Высокий красивый старик в ореоле восемнадцатилетней колымской отсидки, он буквально светился благородством и аристократической утонченностью манер. Как правило, его участие в спорах и обсуждениях ограничивалось простым присутствием, но и этого хватало, чтобы умерить страсти, добавить ответственности и подмешать к бессмысленному безумию хотя бы небольшую толику смысла. Но самым ценным достоинством Наума Григорьевича Островского было, без сомнения, знание нескольких европейских языков – итальянского, французского, испанского, английского. Подобное качество всегда считалось из ряда вон выходящим в принципиально безъязыком советском пространстве и уж тем более – в компании диссидентов, жизненно зависящих от общения с иностранцами. Перевести статью для «Ле Монд» или «Коррьере делла сера», зачитать телефонное обращение к гражданам мира, очаровать непринужденной беседой вашингтонского сенатора или парижского министра – с этим всегда шли к нему, к деду Науму.

В старые времена таких людей называли красивым словом «светоч». Он и был светочем, причем не только для Игоря, что легко объяснялось родством и семейными обстоятельствами, но и для всех окружающих. А светочи обычно еще и бесстрашны.

– Деда, как ты не боишься? – спрашивал Игорь после того, как очередной гость-завсегдатай исчезал в направлении Лубянки, психушки и мордовских лагерей.

Наум Григорьевич только посмеивался.

– Я свое отбоился, мой мальчик. Сам подумай: ну кому придет в голову паковать восьмидесятилетнего старика, который и так на ладан дышит? Да если и упакуют – после колымского прииска и тюрьмы «Серпантинка» даже ад – санаторий... И ты тоже заставь себя не бояться. Это трудно, но крайне необходимо. Беды, Игорёк, как волчья стая: сбегаются на запах страха. Если от тебя воняет этой гадостью, то все – пиши пропало, набросятся скопом да и сожрут с

потрохами. Но мы ведь не позволим этому случиться, правда? – дед поднимал сжатый кулак и произносил клятву-девиз испанских интербригад: – Но пасаран, камрад Игорь!

– Но пасаран, камрад Нуньес! – в тон ему отвечал внук.

«Камрад Нуньес» – так звали деда Наума в Испании, где советским добровольцам в целях конспирации назначались местные имена. Так в те годы адресовала ему письма бабушка Лиза: «п/я № 898, камраду Нуньесу». Она была на седьмом месяце беременности, когда дед уехал сражаться за братство свободы. Шел 1936 год – увидеться снова им выпало лишь в 1955-м. Бабушку Игорь Сергеевич помнил не слишком хорошо – она ушла из жизни довольно рано, а до того подолгу скиталась по больницам и диспансерам. Возможно, поэтому мальчик то и дело улавливал в ее глазах некую отчужденную отстраненность – дети вообще особенно остро чувствуют такие вещи, потому что нуждаются в безоговорочной любви близких. Тем бабушка Лиза ему и запомнилась, хотя много позже, переосмыслив свои детские впечатления, доктор Островски пришел к выводу, что, скорее всего, ее странная холодность адресовалась вовсе не внуку и не семье, а негостеприимному миру, который Елизавета Аркадьевна готовилась покинуть.

Зато мама боготворила Наума Григорьевича не меньше Игоря. Ее детство и юность прошли под знаком оклеветанного и невинно осужденного отца, знакомого Ниночке лишь по фотографиям. Она буквально жила приходящими с Колымы письмами, зачитывала их до дыр, до заучивания наизусть, а в зимние месяцы, когда льды и снежные бури отрезали «Черную планету» от материка, как будто окукливалась и так, замерев в категорическом нежелании радоваться, ждала открытия навигации. Соответственно, и весна наступала для нее значительно позже, чем для остальной природы, а именно в мае, с первой почтой, вываливающей на стол целый ворох накопившихся за зиму отцовских писем.

По-видимому, многогранник талантов деда Наума включал и эпистолярную грань – достаточно яркую, чтобы сказать, что дочь выросла на его письмах. Он вернулся, когда Нине Наумовне исполнилось девятнадцать, и праздник его возвращения стал самым счастливым событием в ее жизни. Таков был Наум Григорьевич Островский, негнбаемый комиссар в пыльном шлеме, герой Гражданской войны в Испании, попавший под каток сталинского террора, но не сломавшийся, а переборовший колымский кошмар, – полиглот, диссидент, аристократ духа, предмет всеобщего восхищения и образец для подражания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.